

Пастроли Художественного театра в Киеве запомнились как праздник: юг, тепло, легкий выход на улицу, естественное множество цветов. В первый раз приехали в 1912-м, в помещении театра Соловцова играли свою недавнюю премьеру — «Живой труп» Льва Толстого, играли «На дне», играли Чехова — «Вишневый сад», «Три сестры», играли «Месяц в деревне». Еще до окончания гастрели состоялись праздничная прогулка по Днепру — «folle journee», как потом вспоминалось Станиславскому. Можно бы найти иллюстрацию: «На пароходе сделано много снимков, в том числе и синамаграфических», сообщила «Киевская мысль». В музее есть кадры кинохроники: в самом деле, весело.

Разглядеть, есть ли на пленке Александр Родионович Артем, не удастся. Разумеется, это случайно: в дни гастрели играли и «Вишневый сад», и «Три сестры», и киевляне, насыщенные о спектаклях, подняли бы шум, если бы Фирса и Чебутыкина играли кто-нибудь другой, а не тот, кого они — как вся Россия — заочно любили. Провинциальные собиратели театральных открыток (а кто их тогда собирал?) знали в лицо всклокоченного подслеповатого старика в распахнутой форменной куртке — доктора Чебутыкина и представляли себе маленькую походку Фирса, его белые нитяные перчатки, фрак, остроконечные бережные шажки с подносом и с палкой, несильное его бормотание. Знали и другую фотографию — Фирс в низеньком цилиндре, в лифве с тройным воротничком-пелеринкой; зная песю, могли гадать: неужели это из последнего акта? старик, которого забывают в заколоченном доме, оказывается, оделся к предстоявшему отъезду? «Дядю Ваню» в Киев не привозили, но слухом тогда полился земля, и все знали, как Артем играет короткого приживала Вадю, как тот нерешительно говорит красавице Елене, в который раз путающей его имя-отчество — «виноват-... Не Иван Иванович, а Илья Ильич-...», как держит за локоть обезумевшего дядю Ваню, как, не удержав, с плачем выбегает из комнаты в момент его непростительно-нервного объяснения с Серебряковым, как тихо бречит на гитаре в финале, когда Соня говорит об ангелах, о небе в алмазах и о милосердии, в котором когда-нибудь все растворится без следа.

На повторные гастроли в Киев старший из членов труппы МХТ весной 1914 не поехал. Театр начал представления вечером 17 мая (играли «На всякого мулца довольно просто», ролька у Артема тут была крошечная — Григорий, «человек Турусиной», замена не составляла проблемы). Днем вся труппа была на панихиде во Владимирском соборе. Легендарный «полковник» (остававшийся в Москве комендант МХТ фон Фессинг) накануне прислал телеграмму: «Артем скончался сегодня в пятом часу вечера. Похороны восемнадцатого утром в Новодевичьем монастыре, венки».

Немирович-Данченко выехал срочно, 18-го извещал телеграфом: «Похороны Артема рядом с Савицкой. Отпели у Георгия на Большой Дмитровке. Было много народа: Адрианов, Модль с женой (это московские городские власти. — И.С.). Все наши теперешние и прежние: Кошеров, Снегирев и Маныкин и другие. Много венков: лития около театра, на кладбище; очень много молодежи; погода отличная: не расхолодило часа два. Вся толпа трогательно пропела вечную память. Вдова и сын сердечно благодарят театр. Есть несколько телеграмм театру. Немирович-Данченко».

Эти телеграммы-соболезнования сегодня лежат в картонной коробке (не слишком наби-

лось, что у него хотят отнять ту или иную роль. На наших общих совещаниях он выступал довольно часто, и к его мнению все прислушивались, ибо мнение его было всегда талантливо. В качестве режиссера он не выступал.

Артема любили все. Любили и те, кто был близок нашему театру. Любил его и Антон Павлович Чехов, который высоко ценил Артема как актера и обожал как человека. Чехов считал, что Артем — выдающийся исполнитель ролей русского репертуара, и неодобрительно относился к его выступлениям в иностранных пьесах.

Артем выступал в «Дикой утке» Ибсена. Чехов не любил Ибсена. Как-то Антон Павлович гостил в имении моей матери, удил один на реке рыбу. Вдруг он громко расхохотался. Стали его расспрашивать, в чем дело. Чехов, продолжая громко хохотать, сказал: «Послушайте же, не может же Артем играть Ибсена. Я напишу для него пьесу. Он же непременно должен сидеть на берегу реки и удить рыбу».

Дружба была обоюдная. Артем был влюблен в Чехова. Они вместе часто проводили время, вместе снимались на общей фотографии.

Артем был любимцем публики. За границей все были им очарованы.

Умер товарищ, умер большой актер — круп-

ных общих заседаний, которые в Художественном театре велись исправно, трудно найти записи тех выступлений Артема, о талантли- вости которых вспоминает Станиславский. (Но вот под тем, что Артем никогда не опаздывал, архивист может проставить свое за- нудное подтверждение: по дневникам репети- ций в списке грешников бывал кто угодно, включая самого КС, но имени Артема тут не доводилось встретиться).

Аура вокруг личности — прелестная, а ниче- го точно неизвестно. И искусство его, магия его пребывания на сцене — тоже без разгадки. Его талант был очевиден, но вот однажды Не- милович-Данченко обмолвился в письме: если бы Артем был актер, а не талантливый старичишка... Неважно, какие планы Немиро- вич далее прикидывает, — важно, что талант Артема излучался на сцене по иным, не тради- ционно-актерским законам. Старик просто был сам собою на сцене? Вовсе нет. Что-то другое. В общем, таинственный старик.

Можно потосковать, что старик не дожид- до советских лет, не спросили с него ни анке- ты, ни автобиографии. Как отца звали, — Ро- дин-то Родин, а по батюшке? Мать, кажется, звали Екатериной Степановной. Но ведь это мы с чужих слов, из третьих рук знаем. И в четвертые руки передаем.

Лет через десять после кончины артиста

Инна СОЛОВЬЕВА

ная художественная индивидуальность. Умер обаятельный человек.

И нам, сиротевшим, остается только пла- кать о незаменном потере».

Артема в самом деле любили. И фотогра- фия с Чеховым в самом деле существует. И насчет 25 лет общей работы Станиславский не оговаривал, хотя Художественный театр едва успел отметить пятидесятилетие своего существования: они с Артемом встретились как партнеры в 1887 году, еще до создания не только МХТ, но и Общества искусства и лите- ратуры. Играли в Музыкально-драматическом кружке «Майоршу» Шпагинского (Артем — ста- рого мужа «майорши», КС — мужа «сестры, ве- любовника и ее убийцу»), играли в «Лесе» — КС — Насчастливцева, Артем — Счастливцева. Так что их безмятежному, незаметному со- трудничеству насчитывалось даже не 25, а 27 лет.

Но нет ни писем Артема к Чехову (или Чехо- ва — к Артему), ни писем Артема к Станисла- скому, ни писем Артема к Немировичу-Дан- ченко (или их писем к нему). До странности, до загадочности полное отсутствие того, что можно назвать «личными бумагами» в музей- ном фонде. То есть ни единой бумажки! Пря- мо-таки ни единой! Как на кинолентке не най- дешь, так и тут — неувольно. Уж кто, кажется, весь как на ладонь, — и на тебе. И в протоко-

сведения о покойном начал собирать некий милый человек, по фамилии Перлов, по име- ни Иван Петрович. О том, что ведет поиски, он писал в музей МХАТ из Зарайска, где, по-ви- димому, постоянно жил.

Впрочем, еще до обращения Ивана Петро- вича на адрес Художественного театра 18 фе- враля 1924 года пошла бумага:

«Рязанское управление по делам музеев и охране памятников искусства и старины «Губ- музей», обращая ваше внимание на необходи- мости принять срочные меры по ремонту и ох- ране дома-музея покойного артиста МХТ, просит выдать разрешение на продажу, и ико- ны) долго не бросал. В Питере же он в мо- лодых годах женился на белошейке (в другом чьем-то пересказе — на портнике). Вместе и прожили всю жизнь. Сын, в котором отец ду- ши не чаял, выбрал профессию врача. Стани- славский и Стахович из Киева послали Анд- рею Александровичу соболезнования на а- дрес родителей. Видимо, жили вместе.

Жилье на Домниковское своей старозавесто- стью уже и в начале двадцатого века трогало воображение. Как оазис уюта вспоминает его не только Станиславский, — о том же пишет, например, историк и искусствовед Сергей Ни- колаевич Дурылин. У его мемуаров несколько вариантов, на основании которых в тридцатые годы (к сорокалетию МХТ, например) появля- лись и статьи, — мы ссылаемся на рукописи двадцатого года из той же коробочки. Потом Дурылин уже не рисковал писать о своем ста- ром учителе: «Это был человек старой Моск- вы, ныне уже умершей. — Москва православ- ная, русской и великорусской» (слово «велико- русской» подчеркивая). Не рисковал вспоми- нать про богомольность. Вымарывал строки:

Стоппове ему нравилось.

То, что Иван Петрович Перлов назвал со- бранными им деревенскими воспоминаниями, нашло место все в той нетяжелой коробке. Беседовал Иван Петрович с супругами Молча- новыми. П.И.Молчанов (наверное, правиль- нее выразиться — отцу Павлу, потому что был давний знакомец актера МХТ деревенским священником в этом самом Стоппове) поми- нись, будто Александр Родионович рос сирот- кой, родился после того, как его отца забрали в солдаты и тот в солдаты вроде бы умер. Жила мать с ребенком у его дяди в этом са- мом селе Стоппове, а потом Екатерина Степа- новна уехала в Петербург и была в услужении в доме графа Чернышева, жила там очень долго. Есть и рассказ жены священника (до замужества она тут же в Стоппове учитель- вала). Несколько сбивая фразу своего сердечного повествования, женщина припо- минает, как странно складывались у Алексан- дра Родионовича отношения с крестьянами: те его явно не любили, не принимали. Ей при- поминается, как он устроил вечер для одно- сельчан, читал чеховского «Золушечки». В зале ни разу не рассмеялись; потом говорили, что чтец над простыми людьми из- деваётся.

Молчановы то и дело оговариваются: мож- ет быть, что-то и не так, как им запомнилось. Вот им кажется, будто мать отдала сына в

«В гимназии у нас в учительской висел портрет государя Николая II его работы». В воспомина- ниях о постановке «Мецан» Горького, где Ар- тем играл легкомудрого и органически счаст- ливого старичка-птицелова Перчихина, не ос- тавляя общей характеристики спектакля как самого занудного и скучного из всех виденных им работ МХТ. Да и домашний интерьер на Домниковке от варианта к варианту мемуаров порядком бывал скорректирован. В двадца- том году вспоминалось об Артеме так: «До кон- ца жизни жил и умер он в старой своей квар- тирке на Домниковской улице, во дворе, на втором этаже, с одним деревянным ветхим «черным» ходом, со скрипучей лестницей, с ма- ленькими низенькими тремя комнатами, окле- ненными дешёвыми провинциальными обои- ми, с умявающихся у порога толстыми котом, с цветками на окнах, с толстыми занавесками, с вечно шипящим медным самоваром. Там же, в квартире занимали в прежней Москве те, кто мог на квартиру тратить в месяц от 15 до 30 рублей — почтовые чиновники, старушки, жи- вущие на пенсию, учителя чистописания. В них пахло пирогами, благо кухня была тут же под- ле прихожей, куковала кукушка на часах, на столиках, покрытых белыми вязаными скатер- тями, аккуратно лежали прилпожения к «Ниве» и стояли пепельницы в виде отрывка газетно- го листа».

Надо думать, все так и выглядело. Но поз-

учение резчику по камню. (Кто-то другой — и тоже с чужих слов — говорит, будто не к резчи- ку попал, а в Академию Художеств — сперва истопником, а потом натурщиком, а потом на- чал (но не кончил) тут учиться. Когда начал участвовать в любительских спектаклях? Не рассказывал. Профессии художника-поден- чика (писал и пейзажики на продажу, и ико- ны) долго не бросал. В Питере же он в мо- лодых годах женился на белошейке (в другом чьем-то пересказе — на портнике). Вместе и прожили всю жизнь. Сын, в котором отец ду- ши не чаял, выбрал профессию врача. Стани- славский и Стахович из Киева послали Анд- рею Александровичу соболезнования на а- дрес родителей. Видимо, жили вместе.

Жилье на Домниковское своей старозавесто- стью уже и в начале двадцатого века трогало воображение. Как оазис уюта вспоминает его не только Станиславский, — о том же пишет, например, историк и искусствовед Сергей Ни- колаевич Дурылин. У его мемуаров несколько вариантов, на основании которых в тридцатые годы (к сорокалетию МХТ, например) появля- лись и статьи, — мы ссылаемся на рукописи двадцатого года из той же коробочки. Потом Дурылин уже не рисковал писать о своем ста- ром учителе: «Это был человек старой Моск- вы, ныне уже умершей. — Москва православ- ная, русской и великорусской» (слово «велико- русской» подчеркивая). Не рисковал вспоми- нать про богомольность. Вымарывал строки:

«В гимназии у нас в учительской висел портрет государя Николая II его работы». В воспомина- ниях о постановке «Мецан» Горького, где Ар- тем играл легкомудрого и органически счаст- ливого старичка-птицелова Перчихина, не ос- тавляя общей характеристики спектакля как самого занудного и скучного из всех виденных им работ МХТ. Да и домашний интерьер на Домниковке от варианта к варианту мемуаров порядком бывал скорректирован. В двадца- том году вспоминалось об Артеме так: «До кон- ца жизни жил и умер он в старой своей квар- тирке на Домниковской улице, во дворе, на втором этаже, с одним деревянным ветхим «черным» ходом, со скрипучей лестницей, с ма- ленькими низенькими тремя комнатами, окле- ненными дешёвыми провинциальными обои- ми, с умявающихся у порога толстыми котом, с цветками на окнах, с толстыми занавесками, с вечно шипящим медным самоваром. Там же, в квартире занимали в прежней Москве те, кто мог на квартиру тратить в месяц от 15 до 30 рублей — почтовые чиновники, старушки, жи- вущие на пенсию, учителя чистописания. В них пахло пирогами, благо кухня была тут же под- ле прихожей, куковала кукушка на часах, на столиках, покрытых белыми вязаными скатер- тями, аккуратно лежали прилпожения к «Ниве» и стояли пепельницы в виде отрывка газетно- го листа».

Надо думать, все так и выглядело. Но поз-

что уж Ермолова-то никогда не брала на себя функций хозяйки, формирующей труппу, ни- когда не позволяла себе кого бы то ни было звать в Малый. Как пересказывались, так и будут пересказываться (переходя в учебники) забавные случаи — как Артем умолил освобо- дить его от ролей в «Синей птице», как испуг- анному шарханулся от режиссера, который в «Жизни Человека» Леонида Андреева объяс- нял ему насчет того, что тут надобно утратить объем и вписываться в плоскость. Так же трудно что-либо возразить, когда пересказы- ваются анекдоты про его патристические до- моседство — по воспоминаниям приятелей-ак- торов даже поездка в Ялту Артема измалала, а после возвращения с заграничными гастролей пошли байки, как наш старик отказывался в Берлине стричься (ни волоска им не оставлю своей!) и как обнимался с самоваром, когда увидел его на столе в Праге.

Интересно было бы уточнить, в какой мере такого рода байки сдвигают и стилизуют арти- стическую фигуру. Еще интересней понять, что это за артистическая фигура, и что за лич- ность, которая с такой мягкостью, с такой ор- ганикой и, кажется, с таким потаенным лувством позволяет витать вокруг себя рассказ- чиком, прозвищам, анекдотам, тайну-то таланта скорей затеняющим, а не высеивающим. Самое же увлекательное — попробовать рас- смотреть опыт Художественного театра как опыт объединения этой самой Домниковки с наступающим трагическим веком. Или иначе: опыт рассмотрения того, как осуществлялся се- бя в бесконечных исторических вариациях русский национальный характер.

Кажется, он был рожден, чтобы воплотить на сцене Акакия Акакиевича или Макара Де- вушкина, поэзию и муку долготерпения, драму унытости. — И да, и нет.

Вечер открытия МХТ Артем играл в «Царе Федоре Иоанновиче» столетнего Богдана Ку- рюкова. В тогдашней несокращенной редак- ции Курюков появлялся в двух сценах: среди выборов людей в царской палате, когда он и со стариковской словоохотливостью, и с эпи- ческим спокойствием отвечал на вопросы Фе- дора о том, чего на веку навиделся, каких битв и каких казней бывал свидетелем, а по- том — в народной сцене «На Яззе». Здесь сто- явший Курюков и погибал на стариковской смертой — рыдающей, зацалал того, кого по старине считал бождем, наносил удары и при- нимал удар. «Шуйский! — Господи, прими мою душу!»

Критик С.Васильев, умный наблюдатель, предположил, что в спектакле этот старик за- думан, по-видимому, как «народная параллель князю Ивану Шуйскому». Ставя спектакль в Художественном театре в самом деле созна- тельно и бессознательно искали систему нравственных «внутренних ритмов», сходств, уз- наний, откликов: «Царь Федор Иоаннович» вырисовывался как спектакль русской жизни, как спектакль русского национального харак- тера в его множественности, как спектакль предельно реального — исторического и жи- тейского — столкновения истопстей этого ха- рактера (Д.С. Лихачев заметил как-то, что о национальном характере странно говорить в единственном числе — естественно говорить во множественном числе). Можно взглянуть и ши- ре: тогда вся череда спектаклей и ролей на сцене МХТ раскрывается как панорама взаимо- действия истопстей национального характе- ра, как движение исторических вариаций его. Во всяком случае, в ролях Артема такую па- нору откроешь с естественностью.

Список ролей, конечно, имеется. Как он иг- рал? Показ бы.

Архив тут не в помощь: почти ничего нет. Есть только тетрадка с ролью Фирса. Пометок мало. Даже странно, что у учителя списова- ния, так мило украшавшего тетради чистопис- ные первоклашек росчерками, птичками и другими каллиграфическими забавами (кто-то их со- хранил, потом подарил музею), для личного употребления был такой неразборчивый по- черк и скверный карандаш. Что вписано? В первом акте: «оставляет коробку» (видимо, из багажа Раневской). «Перчатки нитяные бе- лые». После слов его про то, что барыня из Па- риж приехала, — «смеется». «Дождалься!» — «ра- достно смеется». После реплики Фирса насчет того, что Симеонов-Пидич полведра огурцов скушал, дописан текст, который Фирс будет бормотать себе под нос неслышно: «Такой ап- петит Бог дал. Что же? На здоровье». И в не- которых других местах, после окончания ре- плики вписано: «далее бормотание». В третьем акте дописано, что сидит и оглядывается на танцующих. В последнем монологе проставле- ны какие-то значки, разделяющие слова и движения: «Заперто! Забыли. Пожуж... (Оза- боченно вздыхает)». Еще приписка: «долго бормочет что-то, сначала громко, потом осла- бевает».

В архивной коробке есть альбом, в свое время составленный директором музея, ста- рым русским писателем Н.Д.Телешовым. Здесь вклеен сделанный А.Мовшиным пере- вод отрывка из статьи Гордона Крэгга — до сих пор, кажется, его на русском языке не пу- бликовали. Переведен текст из журнала «Drama», номер VII-IX, 1937. Можно подчи- тать, в каких ролях в свои наезды в Москву мог Крэгг видеть Артема: несомненно, видел в «Дяде Ване», должен был видеть Фирсом, Че- бутыкиным; мог видеть, пожалуй, и Курьером —

● В жизни и ролях — «Дядя Ваня» и «Три сестры»